

ДМ. АРТЕМЕНКО

ПРИЯТЕЛЬ

1948

ДМ. АРТЕМЕНКО

ПРИЯТЕЛЬ

1948

ПРИЯТЕЛЬ

Сенсация! Чудо! совершеннейшее чудо! Не чудо, а сказка! Самая фантастическая какую только можно себе представить!...

По совету хороших, знающих людей, в поисках нового места службы, приехал я в Майкоп. Уж больно хвалили этот городок. И, действительно, хороший, да не во время приехал, — непосчастливилось.

Первый день болтался по городу, нюхал, узнавал, разведывал, рассматривал достопримечательности, а на второй попал в одну довольно солидную контору. Как только переступил порог незнакомого учреждения, так и застыл на месте от удивления. Смотрю и глазам не верю: Батюшки светы! — Неуж-то он? — думаю себе. А он поднялся из-за стола и говорит:

— Что глаза трещь, не узнал, или не ожидал?

— Миша, голубчик, — говорю я, — как же мне не протирать глаза? Подумай только! Приехал в незнакомый город, зашел в пер-

вое попавшееся учреждение и встретил кого? — приятеля! Такое и в фантастическом романе не вычитаешь!

Что и говорить — обрадовались оба. В восторге от неожиданной встречи мало не расцеловались.

После обычных «ну как», «а ты как» и «какими судьбами» вышли в коридор и там уже постепенно перешли к деловому разговору.

Узнав цель моего визита, приятель категорически начал отговаривать меня от поступления на службу в учреждение, откуда он собирался уходить. Ограниченный служебным временем он бегло мрачными красками нарисовал положение городской жизни вообще, и условий на службе в частности. Были тут и карточки и коллективизация и пустые базары и еще миллион разных страхов и ужасов. Он говорил об этих мелочах с таким жаром, как говорят о землетрясении или о всемирном потопе. В панике он наговорил такого, что завтра конец света! Он был так сильно наэлектризован, что хоть сегодня покинул бы службу и город.

Из всей его грустной повести, на которую он потратил добрых двадцать минут, я понял ясно одно: он не имел хороших условий службы и денег.

Само небо послало мне приятеля. Одно дополняло другое. Я ничего не терял в этом предприятии и поэтому легко воздержался от поступления, в надежде и при содействии его-же, получить более выгодную службу, может быть даже, в другом городе!...

Теперь начнем с начала.

... Приятелями сделались мы по службе в одной огромнейшей тороговой организации в приморском городке, на берегу того самого моря, которое во время оно хотело сделаться океаном: «надулось посинело, да так и осталось...»

Я люблю дружбу и стараюсь, поэтому, сближаться с людьми, в особенности-же сближаться с теми, кто старше и опытнее меня. Само собой разумеется. я люблю честную дружбу. Не такую, чтобы ктонибудь, комунибудь залез в карман или обманул или обокрал, этого я не люблю. В честной дружбе много бывает интересного и полезного, полезного и назидательного. Тут тебе история. политика, любовь, карты, водка, всевозможные приключения самые невероятные по фабуле и сюжету, такие что и дьявол сам бы не смог выдумать, слушаешь и не переслушаешь. Другие зарятся на деньги или ценности, какие, мучают себя, не спят ночами, а я этим не

интересуюсь, мне лишь бы приятно провести время. Я не хочу бегать как бешенная собака хватать из рук других все, чтобы люди смеялись. Мне приятнее бывает поговорить с человеком о чемнибудь таком хорошем, чтобы можно было посмеяться, погрустить, вспомнить о чем-нибудь таком интересном, нежели напиться пьяному или обругать кого-нибудь за глаза. . . Михаил М-ко был старше и опытнее меня, поэтому я дружил с ним. Он много говорил разных изречений и это забавляло меня, хотя смысл этих изречений и не всегда был ясен мне.

Вот одно, например, из них:

— Не важно где и кем работать или служить, а как работать или служить.

Правда темный смысл! Не поймешь чего тут больше: философской мудрости или идиотской выдумки? А интересно.

Или вот еще мудрость:

— Хороший ты парень, — сказал как-то раз мне приятель, выпивая с другом у меня на квартире, — только плохо что не пьешь. Пойми, что всякое дело: хорошее или плохое, если не начинается, то кончается этим. Сосватали — могорыч; подрались — мировая.

Трудно было возражать против такого

аргумента, но пить я все таки не мог, не был приучен к этому.

Человек он был расчетливый, даже черезчур расчетливый. Не любил пропускать того, что плыло мимо. В нем настолько сильно была развита непосредственная расчетливость, что сделала его изобретательным. Часто после службы он заходил в гастрономический магазин, выбивал в кассе карточку на коробку спичек, а получал из за прилавка (при помощи верной подружки жизни, служившей продавщицей магазина) «маленькую» за три пятнадцать с закуской.

Считалась у него эта изобретательность «русской смекалкой». Я терпеливо смотрел на него и молчал, зная его слабость к спиртному, так как никакая мораль не могла бы остановить его от этого. Внешне дружба с ним так же представляла своеобразный интерес. М-ко человек недавнего прошлого — чекист запаса, проверенный, что называется сверху донизу, снизу доверху и поперек; его авторитет на службе нерушимый, а его приказы и распоряжения имели поистине магическую силу, равную рескрипту. Многие служащие, поэтому, пресмыкались перед ним, так же, как в свое время, перед влиятельными людьми при дворе. Одни делали это от страха, а

другие в силу привычки...

Расстались мы с приятелем неожиданно, и даже странно. Совсем как поется в романсе, не сказав последнее «прости».

Пригласил он меня как-то в ресторан, по его собственной теории, на «разводную». С женой развелся он. После выпитых двух трех стопок, хмелея, вдруг объявил он о своем намерении покинуть город. Уезжал он на поиски «лучшего места»...

В двенадцатом часу ночи, перед закрытием ресторана, оставив меня одного сидеть за опустошенным столом, пошел он в «одно место» и бесследно исчез, не расплатившись за стол. Сраженный таким вероломством, кельнер бросился было искать, но приятеля и след простыл. Видимо, не впервые ему были такие проделки. Направившись в «одно место» он хитро улизнул через черный ход. Полчаса слал проклятия всем святым обманутой кельнер, доверчиво положившийся на благородную внешность гостя.

В ту же ночь, приятель покинул город, не дав о себе никаких дополнительных данных.

* * *

Желая, видимо, озадачить меня, приятель и словом не обмолвился о том, что снова сошелся с обольстительной женой. Верный

своей теории, он не проминул использовать мой приезд превратив его в маленький триумф для выпивки. За скромным обедом совместили поэтому случаю «мировую» и «встречную». Тут же были решены два вопроса: первый и главный — переезд в другой город и поиски нового места службы и, второй — временное мое устройство на службу до отъезда.

Иллюзируя будущее с дипломатической ясностью и последовательностью, в океане блестящей фантазии, приятель устремился мысленно к двум экзотическим островкам: «Сочи или Одесса!» — говорил он. — «Обязательная служба в сантории!» Нарисованные им условия были более чем заманчивы... Бесплатная квартира с обстановкой и санаторный паек по себестоимости... Не согласиться на эти условия мог только явный дурак... Торжество закончилось прогулкой в парк. Между прочим, жене приятеля понравилась моя коверкотовая тройка.

— Вот бы тебе, Миша, такой костюмчик! — восторгалась она. Он посмотрел довольным взглядом и ничего не сказал.

Предстоящие две недели до отъезда казались вечностью. Каждый из нас рвался «туда» — на курорт.

Утром следующего дня, я бросился искать временную службу. Для убедительности сплел историйку... Студент... Каникулы... Пару недель поработать... Подмолотить деньжат на дорогу...

Успех получился поразительный!...

Вечером того же дня, созерцая в морском прибое красавицу «Ривьеру» пылил я стареньким «Фиатом» удаляясь из города, на участок совхоза «Лектехсырье». Прикрашенная легким амурчиком совхозная жизнь пролетела экспрессом. Под конец не хотелось уезжать.

*
* *

— Уехали — участливо встретила меня соседка приятеля, возившаяся с обедом в коридоре. — Еще четырнадцатого. Сегодня два дня будет как уехали. И вещи ваши увезли. Странно, что о вас ни слова. Уже на дрожках она сказала ему: «А как же тот человек?» — «Да, — обратился он ко мне, — если приедет тот человек, скажите ему, что найдет нас там где условились»... — Вот и письмо для вас — торопливо передала она открытку!

Поясняя темный смысл сказанного приятель бросил с дороги лаконически:

«Дмитрий! найдешь нас в Сочи на вокзале.»

Казалось все ясно. Не ясно то, почему уехал раньше условленного срока и зачем увез мои вещи.

По описанию наблюдательной соседки, не менее загадочно выглядели и предшествовавшие отъезду сборы. Инициативу держала в своих руках жена приятеля, купившая билеты в городской кассе. Она настаивала на немедленном отъезде, он сперва возражал, а потом согласился. Сомнений почти не оставалось, из меня сделали жертву аферы. Сердце оборвалось. Холодный ток пронизал тело. Язык отказался говорить в пересохшем рту. Спазмы сдавили горло, закрыв дыхание. Подломившиеся ноги бросили отяжелевшее тело на лавку. Едва заметным движением руки я снял холодные капли пота со лба.

Наступило минутное траурно-молчание. Ничем незаполнимая грустная пустота. Как у гроба покойника: умер человек, всем жалко, но помочь ничему нельзя. Вынужденное бездействие. Убитые горем родственники натирают платками заплаканные красные глаза, а все остальные сострадательно смотрят на уходящего в неизвестность.

Поспешно поблагодарив сердобольную соседку приятеля я сиротой поплелся на вокзал.

Казалось время тоже в заговоре действовало против меня. Очередной поезд отходил в десять часов вечера. Предстояло пять часов томительного ожидания. Нужно было чем то заполнить это время. Слоняясь из угла в угол станционного здания, от безделья я пошел «на всякий случай» в багажное отделение проверить возможное отправление багажа приятелем. Результат проверки превзошел всякие ожидания. На третьем листике квитанционной книжки я без труда прочел имя и фамилию приятеля. К счастью, как пояснил служащий багажного отделения, это правило проставлять фамилию отправителя на квитанциях введено несколько дней тому назад. Вещи отправлены, но... не в преддверие пальмового царства — Сочи, как следовало бы по письму, а в прозаически бедное растительностью Туапсе, то-есть в ближайший портовый город, чтобы оттуда водным путем скрыть след.

Последние сомнения рассеяны!

Меня обокрали! Предстояла трудная погоня. Два дня отделявшие меня от похитителя давали ему преимущество. Кроме того он уходил одной дорогой, я же должен настигать злодея дестью!

*

*

*

На рассвете «Максимка» приволок меня в Туапсе. Медленная езда только усиливала отчаяние. Измученный бессонной ночью в разбитом состоянии я бросился на пассажирскую пристань с уверенностью прихватить неожиданно афериста.

На пристани царила мертвая тишина, которая так характерна в непосредственной близости к морю, где вечно бушуют штормы.

Огибая пристанские постройки я вбежал в длинный досчатый сарай служивший одновременно вокзалом и багажным. Единственный, спящий на брезенте богатырского сложения человек, открытый мною в полумраке, скудными сообщениями мало порадовал меня. Утешало то, что предшествовавшие два дня на море свирепствовал девятибальный шторм, парализовавший всякое морское сообщение. Но зато отплытие в четыре часа утра теплохода «Грузия» в Одессу далеко не радовало. «Попутный транспорт похитителю» — думал я.

Без правил и посторонней помощи, полагаясь исключительно на собственную бедную фантазию, уже на первых шагах поисков я пошел по ложному пути, принимая слабую видимость за действительность. Сложную, не известную мне работу сыска строил на песке

— на догадках и предположениях, не зная на чем конкретно остановиться.

В страхе и замешательстве хватался, как утопающий за соломинку, за все то, что хоть чемнибудь, по моему мнению, нагадывало подлые действия моего врага, боясь упустить из виду преступника ловко и смело заметавшего следы преступления. Не имея других данных, по количественному признаку (трех) мест и месту назначения (Одесса), вычитанных мною из пристанской книги багажных отправителей дал заявление в Угрозыск телеграммой задержать владельца багажа, считая их своими и приятеля вещами.

Отдаваясь чувству беспечности, согретому южным солнцем, слегка успокоившись «для очистки совести» соверши: очередную глупость на «авось» — турне в Сочи, усложняя потерей времени и без того слабые шансы на успех. Дурная работа не хитрая. Как и следовало ожидать вернулся в Туапсе ни с чем.

Накрутив добрую сотню километров за день, с чрезвычайно бледными результатами усталый лег спать.

Постепенно остывая и набираясь той самой мудрости, которая так слабо приходит в таких случаях, утром следующего дня, сравнивая в уме вес багажа отправленного с места

приятелем с мнимым весом багажа отправленным теплоходом увидел несоответствие. Это привело к мысли проверить вес на станции железной дороги в Туапсе.

О страшном, всепожирающем бюрократизме на железной дороге я знал только по наслышке, но тут мне пришлось воочию столкнуться с ним ...

Он был страшнее тигра!...

Он требовал невозможное!...

Он требовал от меня документы украденные у меня вместе с вещами.

Выбиваясь из сил, как может это делать только человек потерявший последние пожитки, я взывал о справедливости и гуманности, перед одеревеневшей женщиной-кладовщиком, прося разрешение проверить прибытие багажа, но она и слушать не хотела.

Битых два часа я почти на коленях лазил умоляя звероподобное бездушное существо пока наконец не добился просимого.

После первых удовлетворительных результатов, атакуя дальше бастион бюрократизма я закончил свои поиски составлением телеграммы:

«Аферистически увезены вещи желтом чемодане. Квитанция №... мест... вес... Задержите владельца Михаила М-ко»:

Решение второй вытекающей из первой задачи — извинительное объяснение в Угрозыске по поводу сделанного накануне заявления отпало само по себе как спелый плод от дерева, благодаря непростительной беспечности этого органа, не потрудившегося за сутки ударить палец о палец. С другой стороны это показало как не нужно слишком надеяться в таких случаях на эту организацию

Укрепив телеграммой довольно слабые собственные позиции предался туризму погружаясь с головой в морскую пучину

— Ну, идите же, идите ради Бога! Где вы пропадаете — беспокойным тоном торопила квартирная хозяйка знавщая мою трагедию — Вот, нате, читайте! — в восторге добавила она передавая запечатанный телеграфный бланк.

«Вещи задержаны. Выезжай Пятигорск»

Не прочитал, а проглотил я от радости, почти вырвав из рук маленькой женщины телеграмму.

*
* *
* *

Мучениям моим видимо не суждено окончиться. В Пятигорске ожидали новые печальные разочарования. Продержав несколько часов под арестом, к моему приезду, приятелю

ля выпустили под расписку «о невыезде».

Я скептически отнесся к этой формальности, зная наперед, с кем имею дело, и, не без основания.

Когда человеку грозит судебная неприятность, а может быть и тюрьма, то он даст не одну, а десять, двадцать таких ничему не обязывающих бумажек, лишь бы уйти от наказания.

Возмутился я больше потому, что из основных вещей: пальто, шляпа, постельная принадлежность не были задержаны. Прожженный же мошенник до конца решил не сдавать позиций. Как таракан, он пролазил в каждую возможную щелку и делал подлое дело. Будучи знаком с содержанием моей телеграммы, утаил названные вещи при своем освобождении из под ареста, надеясь рано или поздно сделать их своей собственностью...

Началось следствие. Я негодовал. Послали милиционера за приятелями.

— Нэту, — как стопудовую тяжесть безнадежно бросил вернувшийся через час медведеподобный армянин, переминаясь с ноги на ногу у двери кабинета следователя. — Бил на той улица, ниже — другой улица, више — третий улица, ныгдэ нэт.

— Я так и знал, — неожиданно вырвалось

у меня в припадке злости.

Теперь все потеряно. Дальнейшие поиски, при таком попустительстве и халатности властей были бесцельны. Искать теми путями, которыми задержал — глупо, приятель не настолько дурак, чтобы таскаться по железным дорогам. В лучшем случае он может, сменив квартиру, пересидеть недельку-две в городе, а в худшем — переедет на подводе в соседнюю станицу, и концы в воду. Ищи ветра в поле...

Самая уродливая фантазия не могла бы выдумать более жестокого конца моим поискам. Помимо собственной воли терял часть дорогих мне вещей. В голове зароились безутешные мысли. Приближавшаяся зима захватывала в летнем платье. Невольно вспоминалась грустная, времен гражданской войны, песенка:

Папа, мама, что мы будем делать?

Когда настанут зимни холода?

У тебя нет теплых чулок,

У меня нет зимнего пальто.

«Твердо, видимо придется спать в бесплатной квартире с обстановкой, после «санаторного пайка по себестоимости», — иронизировал я сам над собой, вспоминая красочность иллюзии приятеля и с этой мыслью покинул кабинет следователя.

Даже люди железной воли иногда поворачивают с полдороги назад, видя бесцельность дальнейшего следования.

Вибитый из колея работой достопочтенного учреждения, окончательно потеряв будь какую надежду на успех дальнейшего преследования, я собрался в обратный путь. В последний час перед отъездом любопытства ради, пошел посмотреть в незнакомом мне городе ближайшую трамвайную остановку и тут неожиданно увидел нечто фантастическое... В нескольких шагах на поверхности уличной толпы выплыл лордовский лоб приятеля, несшийся прямо на меня. Я застыл мумией при виде движущейся его фигуры с какой-то бумажкой в правой руке. Схваченный магнитом, в миг игрушечным солдатиком повернулся лицом к открытой наружной двери магазина и сделал вид, что читаю объявление, пропуская мимо себя приятеля. Заметивший меня негодяй буйволом ринулся в самую гущу толпы, желая скрыться. Не теряя ни минуты, я бросился следом за ним, держась на почтительном расстоянии.

Началась игра в «кошку и мышку».

Мошенник проверяя мое преследование, пройдя по улице квартал вверх, свернул направо, на менее людную улицу, а затем, про-

делав еще квартал, свернул налево, совсем на безлюдную улицу.

Игра для меня принимала очевидно невыгодный характер. «Мышка» могла ускользнуть в норку. Один бросок и почти полуквартальное расстояние, отделявшее меня от приятеля покрыто. Еще секунда и я настиг его за поворотом. Следивший видимо за моими движениями, он еле успел сделать полсотни шагов от угла.

— М-ко! — крикнул я в догонку. Он медленно повернулся и остановился, поджидая меня.

— Так что, аферистически увезены вещи? — оправдываясь, иронически бросил он мне на встречу, делая рукой козырек над двумя обугленными поленами-бровями.

Я пропустил эту иронию, не считая нужным полемизировать и попросил пройти со мной в знакомое нам обоим учреждение закончить дело, имея при этом единственное намерение получить остальные вещи.

— Какое дело? — сделал он удивленные большие глаза, как будто ничего не случилось. . .

— Ну, твои, мои показания. . . Нужно будет закончить это, — борясь с внутренней

злостью старался я говорить спокойным тоном.

— Нет, я не пойду... Я устраиваюсь на службу... Вот бумажка, смотри... — артачился приятель.

— Все равно, нужно пойти, — настаивал я.

Пошли. По дороге приятель нервно дергая правым углом рта на букве «м», усиленно доказывал свое алиби, ссылаясь на невменяемое состояние при отъезде с места, от чрезмерного употребления спиртного.

Кроме единственного дежурного в розыске мы никого на службе не застали. Был тот русский обеденный час, когда все покидают учреждения, входя домой обедать.

Около часу пришлось в нервном напряжении дефилировать по узкому внутреннему коридору смиренного учреждения, оставаясь в приятном обществе один на один с приятелем. Двумя приступами побежденный мною коварный противник пытался установить контакт нарушенной дружбы, начиная с табака. Но я был неумолим. Как два затравленных зверя, мы разминулись на узком дефиле, стараясь не смотреть друг другу в глаза... Наконец, получив в качестве стража бе-

зоружного дружмильца*), мы втроем двинулись на квартиру приятеля за остальными вещами. По пути я то и дело смотрел подцепить что-нибудь в руку, чтобы на случай бегства приятеля послать ему в догонку. К несчастью ничего не попадалось.

События нарастали, словно по расписанию. На полпути нашего следования я увидел вдруг праздно распявшегося в дверях магазина вчерашнего посланца. Увидевший тоже дружмилец поклонился ему, тот ответил, видимо были знакомы. Пропустив нас на половину квартала, бездельник свистком остановил наше движение и бросился бежать к нам.

— Кдэ ты живощь? — переводя дух, напустился новый партнер на приятеля, выяснив наш путь следования. Приятель ответил, назвав адрес, данный им в подписке о невыезде.

— Врошь, — грубил армянин, — ми вичера бил там, тибя нэ был.

— Наверно потому, что я новый жилец, не все знают. . . — уклончиво оправдывался приятель.

Споря, мы незаметно уперлись в гигантские красные ворота из дерева, выросшие на се-

*) Дружмилец (дружина милиции) — состояла из комсомолцев и активной молодежи. Придавалась в помощь милиции.

ром фоне таких же размеров глинобитной стены, ограждавшей колоссальных размеров двор. Своеобразный «кремль»... Крепость давно минувших дней... Память о хищных набегах горцев..

Неожиданный визит наш был ошеломляющим. Как глыба снега, сорвавшаяся из под небес, повалился он на голову, охваченную страхом жены приятеля, возившейся со стиркой, перед флигелем. в глубине двора...

— Ти што ж, бабка, врала вичера, гаварил ни живот такой, — коршуном насел грубиян на старушку, сидящую у открытой двери сквозного остекленного коридора.

— Я, милый, не расслышала, — отвечала бабка, упираясь старческими бельмами в песок, — Я глухая...

— И ти, мадам, тожэ гаварил, што все жилцы в дома старый, — с укором перешел он на жену приятеля.

— Да, это же жена его, — вставил, как каленое железо дружемилец, осведомленный мною при входе в калитку.

— Ах, жина! — возмутился нацмен. — Как тэбэ не стыдно, мадам?!

Эти простые, но довольно увесистые слова имели феноменальное действие на завравшуюся жену приятеля. Краска залила ее поблекшее бескровное лицо. Приятель тоже видимо впервые в жизни, неожиданно покраснел.

Всей оравой направились в квартиру приятеля. Любопытная бабка за нами. Обманутый блюститель законности, мстя, толкнул в грудь — не пустил.

Пока я собирал вещи, исполнитель власти считал своим долгом вынести окончательный вердикт преступной паре в форме убийственно длинной всеуничтожающей морали, так что подсудимые от стыда не знали, куда деть себя.

Обрадованный благополучным исходом, я торопил своего случайного покровителя с оставлением квартиры афериста.

Уже на улице я обернулся и увидел медленно следующего за нами приятеля.

— Ну, так ты едешь, Дмитрий? — проделав путь около двух кварталов, упавшим голосом обратился он ко мне, желая отстать. — До свидания...

— До свидания, — ответил я в тон ему, не оборачиваясь, чувствуя на себе его виноватый взгляд и ускорила шаги, поднимаясь на горку.

P.S. Почти каждому из нас известно предчувствие. Оно единственное дает нам знать о тех или иных постигающих нас хороших или плохих обстоятельствах. При совершенно спокойной нормальной жизни мы вдруг чувствуем душевное волнение, а вслед за ним постигают нас какие-нибудь неприятности и неожиданности. Или, наоборот, при неблагоприятных обстоятельствах чувствуем душевное спокойствие. Это чувство душевного спокойствия я заметил в себе в самом начале поисков, не покидало оно меня и в критические минуты, оставаясь таким до самого конца.

Мюнхен.

19 46-47 г.

ОСТЫВШАЯ ЛЮБОВЬ

Смуглянку Олю я полюбил с разбегу. Быстро и крепко. Так опрометчиво влюбляются не совсем опытные молодые люди, доверяясь сердцу.

Случилось это в воскресный декабрьский день. Как нарочно стояла небывало хорошая сухая погода. Та самая, которая располагает к чувствуванию.

Напрасно напрягали ослабевшую память лучшие ценители прошлого — старики, чтобы вспомнить подобное ни с чем несравнимое начало зимы. Грунтовые дороги зеркально блестели. Молодежь гуляла налегке одетая. Наш драмкружок усиленно готовился к рождественским спектаклям. Я пришел с товарищами на репетицию. Жившая у шурина в школьной квартире Оля принесла ключ от наружной двери школы, где помещался стационарный театр. Слабой девичьей рукой она хотела открыть и не могла. Исполненный чувством долга, я галантно вызвался помочь

нежному созданию и был счастлив принять зловредный предмет из ее почти божественной руки.

Странно, как иногда простые, совсем незначительные вещи, стоящие на пути незнакомых людей, сближают их.

В зале братва с шумом устремилась на сцену, а мы с Олей сели почти у самой входной двери, продолжая прежний предмет разговора. Вскоре банальная тема исчерпалась и тут-то настала самая трудная минута, минута, когда есть чувство, желание, но нет слов выразить все это. Минута, когда рассудок подчиняется сердцу. Сердце же, повинувшись в свою очередь законам любви, переполненное кровью, только бьется, бьется без конца, усиливая ритм. В такие минуты трудно помнить себя, так как все время несешься, как на волнах, витая мысленно где-то высоко в эфире, гордо, как орел, не находя себе равных. Любовь опьяняет чувство хуже, чем вино. Ее законы неумолимы. Она никому не делает пощады: ни старому, ни малому. Она вихрем врывается в душу и несет, несет, как на крыльях. Ни война, ни болезнь не в состоянии остановить ее стихию. Одна смеет прекращать действие любви.

С первых же слов я был побежден ее очаровательно-тихой речью, журчащей, как горный ручей. Хохоча легко и задорно, она игралась со мной как с мячиком. Смелыми предприимчивыми вопросами она выбила меня из моих позиций, закрыв все пути к отступлению. Плутовка, видевшая множество раз меня на сцене, она кажется совсем была готова к этой встрече, подкупающей нежностью она повергла меня к своим стопам. Поток слов которым она так искусно пользовалась, был преднамерено взвешен и мог бы убедить самого опытного из опытных. В шестнадцать лет она была хороша, как пышная роза. Раскрывшийся нетронутый цветок с сильным приятным запахом, от которого даже флегматики приходят в восхищение. Ее грация, манера говорить, восхищаться, восторгаться, так были величественны, что она могла бы легко быть принята в высшем свете. Я не успел оглянуться, как был опутан ее любовными сетями. Я бесповоротно влюбился и был рад случаю, сведшему меня с Олей.

Я был счастлив. безумно счастлив!

Более полугода я наслаждался ее нежной любовью. Это была моя первая горячая любовь, чувствительность которой непередаваема. День и ночь я бредил Олей. Легко пред-

ставить себе, как я был поражен ее неожиданным отъездом домой, к матери, где-то в горную линейную станицу. Все оборвалось. Я был мрачнее ночи. Многие мои друзья, прекрасно знавшие мой веселый характер, не узнавали меня, так я сильно изменился. Потускнел, поблек как цветок без света и воздуха. Пока и умру, не забуду ту летнюю, дождливую последнюю ночь, проведенную с Олей в школьном сарае. Всю ночь шел дождь. Всю ночь я просидел на бревне, а на коленях у меня сидела она, она, моя незабываемая чистая, как кристалл любовь, Она прижималась ко мне, так близко прижималась, что я слышал биение ее сердца, оно билось так же учащенно, как и мое... Кровь прилиwała к ее лицу, воспаляя его, и этот жар передавался мне через страстные, продолжительные поцелуи...

Мы одинаково были влюблены друг в друга и поэтому расставание так же одинаково было тяжело для нас обоих.

И вот мы расстались. Расстались, не зная, встретимся ли еще когда-нибудь?

Она уехала, а я остался. Остался один, совсем один, без никого... Какое это мучительно-тяжелое одиночество!.. Ходишь как неприка-
янный, ничто не радует тебя. Все время ищешь что-то и не находишь...

Вскоре после отъезда посыпались длинные предлинные письма. Почти ежедневно я получал письмо от Оли. Получал и отвечал. Я часами просиживал за этими письмами, всматриваясь в ровный, почти детский почерк. Каждая буква, каждая запятая была живым воплощением ее скромной, скромной до обаятельности девичьей природы. Она писала просто, совсем просто, но зато какая пленительная красота чувствовалась в этой простоте. Нельзя оторваться. Я прочитывал каждое ее письмо сотню раз! Читал, прятал в карман, потом вынимал и снова читал, и так без конца. Иногда я так зачитывался, что даже засыпал с письмом в руке, прижав его к груди в том месте, где бьется сердце. Нужно было видеть, как я страдал, страдал и мучился. Я не спал ночи. С красными глазами, как у алкоголика, я поднимался чуть свет и шел куда-нибудь, сам не зная, куда,.. В степь, на речку, лишь бы итти...

Так продолжалось очень долго, я не помню, сколько, так продолжалось. Я жил чувством любви, воображая ее перед собой, ее, которой не видел, не мог видеть. Я не знаю почему, но потом письма стали приходить реже, от этого я еще больше страдал. Когда не видишь долго милого предмета любви, стра-

дания становятся невыносимыми. Это происходит от того, что сердце скучает, тем более молодое сердце, для которого любовь есть пища, жизнь его. Оно хочет напряженной деятельности. Ему так же плохо, как и машине, работающей на холостом ходу. Жалко смотреть. Вот почему, желая утешиться, я покинул родное гнездо и поехал искать счастья искать то, чего больше не мог найти дома, где все казалось скучным, опостылым. Все, начиная от людей, и кончая, если хотите, домашними животными. Деревья, и те как-то уныло свесили свои ветки, утратив интерес к жизни... А я хотел жить, жить так, как требовало мое скучающее сердце. Я хотел простора жизни, такого простора, чтобы вечно не заходило солнце или была ночь, — по желанию. Если день: так яркий, ясный, теплый. Если ночь: то темная, непроницаемо-темная, такая, чтобы в темноте от страха замирало сердце. Я хотел поэтической жизни, которая так волнует и вместе с тем успокаивает молодые натуры, и поэтому я поехал на Кавказ, в этот вечно-зеленый райский уголок, так прекрасно воспетый поэтами.

Детище гамбургского дока, теплоход «Крым» бороздя морскую пучину, первым рейсом уносил меня вдоль причудливой цепи гор-вели-

канов, стремительно спускавших к подножью на водопой зеленые стада-лес, к голубому чарующему взору, как глаза красавицы, морю. Пахло краской и пенькой. В ярком солнечном свете на металлических предметах играли «зайчи»

Любуясь природой, я проехал почти все кавказское побережье, а на обратном пути остановился в маленьком портовом городке. Я любовался природой, как турист. Какое наслаждение видеть все это в первый раз!.. Да еще влюбленными глазами, какими смотрел я. Влюбленные не так смотрят на жизнь, как обыкновенные люди. Обыкновенные люди смотрят на жизнь просто, скучно, безразлично. А влюбленные на все смотрят глазами поэта. Для них жизнь — сплошная лирика. Во всем пафос, подъём. И я нашел то, чего искал. Я зажил этой жизнью. Все здесь было красиво и привлекательно. Серёнькие лачуги казались роскошными виллами, какие можно встретить только на юге Италии... Люди приветливые, жизнерадостные, смеющиеся. На каждом шагу уступают, извиняются. Ни единого худого слова не услышишь. Тут я впервые понял, что такое жизнь. Жизнь — это мы, — я и все остальное! Если я хочу, чтобы жизнь была прекрасной, хорошей, я дол-

жен делать, думать, говорить только хорошее, такое самое как о самом себе или для себя, делать искренне, без лицемерия, я это делал и почувствовал, как мне стало легко ж... Куда делись подозрения, сомнения, недоверие, ложь, хитрость, обман, лесть, бесчестие, то-есть все те пороки, что так отравляют нашу жизнь.

Я жил и радовался, радовался и жил!

Радость мне приносило счастье, а счастье давало жизнь.

Живя в радости, я однажды встретил добродушного, простого и ученого В. К. Знакомая мне толстая суковатая палка неизменно следовала при нем. Под м... кой левой руки папка с какими-то бумагами.

Мы мало знали прежде друг друга.

Я знал только, что он директор школы и шурин Оли, а он и того меньше: он только то, что и вы знаете обо м... Теперь мы встретились, как старые знакомые и кроме того «свояки». Певчим баском он поторопился поведать мне печальную новость о кончине семейного счастья. Он жил один. Он так же, видимо, как я любовная ж... в поисках простора души прибил к морю. В кончине его семейной истории виновна была она, жена, «она тянула к матери», а он «не мог»,

у него «служба». Об Оле разговор не поднимался. Я не делал этого из предосторожности, боясь потревожить заживающую рану в моем сердце, будучи уверен, что я давно забыт ею. Свою уверенность я связывал с предусмотрительным молчанием В. К., который по моему мнению не мог не знать этих подробностей. Однако, я очень скоро убедился, что мои опасения были совершенно напрасны. Оля не только не забыла меня, но напротив, как только узнала мою теперешнюю резиденцию, прислала чувствительное письмецо, в котором, между прочим, писала, что: «она еще барышня», а в конце письма, плохо маскируясь за поездку сестры к мужу (В. К.), пренебрегая правилами приличия, она просила разрешения приехать ко мне «повидаться», после столь длительной разлуки.

Чем скорее, я обещался этой оказии очнуться. Мне так же сильно хотелось увидаться с ней; хотелось проверить чувства, которые к тому времени, как мне казалось, очутились в тупике, были непонятны мне самому, время, этот вечный спутник — отодвигая их куда то.

В самых нежных тонах я поспешил удовлетворить просьбу Оли, обставив это поездку так, чтобы не оскорбить ее девичьего имени.

Я не буду говорить о тех мелочах, которые произошли при нашей встрече с Олей, о том, что по вине В. К., слабо заботившегося с предупреждением меня, я не смог встретить ее на вокзале, за что получил выговор, все это не стоит и одной тысячной доли того потрясающего впечатления, какое я испытал при самой встрече. Самый проницательный ум не мог бы предположить этого... Случилось что-то сверхестественное, теперь даже страшно вспомнить обо всем этом...

Друзья при встрече безусловно начинают с воспоминаний о дружбе, об общих знакомых, о том, как каждый из них приятно провел время, где бывал, что видел, припоминаются шутки всякие, смешные истории, между пьющими — попойки, пикники, во второй части обыкновенно говорится, кто женился, кто умер, кто потолстел, кто похудел, кто народился, что заблудилось, о заблудилось и т. д. Другое бывает, когда встречаются влюбленные — они прежде всего смотрят, кто как изменился внешне, постарел-ли, похорошел-ли, какие появились новые черты, делаются сравнения характера, голоса, смеха, речи, жестов, одним словом, всего того, чего не делается между друзьями...

Боже мой, как она изменилась?!. Как она изменилась!.. Круглое лицо вытянулось, сделалось угловатым, как у старухи. Блестящие терновки — погасли, переспели. Почерневший передний зуб, делавший ее когда-то такой оригинальной, теперь старил ее на целых двадцать лет. Тогда звонкая привлекательная речь, теперь трещала как горох о стенку... При виде ее, я испытал крайне неприятное чувство, будто на меня кто-то вылил ушат холодной воды... Во мне все перевернулось. Я испугался этого чувства. Оно было так неожиданно и так сильно завладело мной, что я чуть не обратился в бегство. Оно появилось внезапно, как трещина в доме при землетрясении, которую нельзя иначе устранить, как только разрушив само здание. Желая скрыть его, чтобы не оскорбить бедную девушку, я отвел глаза от Оли, но так неуклюже едеделал это, что она определенно заметила эту разительную перемену в моих чувствах.

Произошла небольшая заминка..

Краснея, она бросилась мне навстречу и мы поцеловались, хотя это было не совсем этично в присутствии хозяина квартиры В. К.

— Не смущайтесь, дети, не смущайтесь; я не смотрю, я отвернулся, — сглаживая нелов-

кое положение, пробасил с легким юмором непосредственный виновник нашей встречи.

Поверьте, ее уста обожгли меня, как лед...

К моему приходу все было готово и мы сели за стол. Ревностная христианка, блюдя высшие духовные традиции, она привезла с собой кулич, крашеные яйца, сало, колбасу... После первого тоста она села ко мне на колени... По телу пробежала дрожь. Это не была Оля. Ничего похожего, все чужое. Она была прекрасна, как и тогда, так же умна, жива, энергична, скромна, нежна, ласкова, благовоспитана, но все это не имело прежней силы, все это можно было отнести к хорошему тону, но не к любви. Все было в ней изумительно, но выглядело, как повторение давно известного и забытого, как повторение урока для отстающих, отчего ведущие ученики только скучно зевают, презрительно поглядывая на своих бестолковых коллег. Оно не составляло больше ни секрета, ни новости.

Разговор слабо клеился, стесняло присутствие В. К.

Было душно и неприятно.

Чтобы разрядить атмосферу, я предложил прогулку. Мы вышли с Олей на улицу и направились ко мне, болтая о чем-то безразличном, неинтересном, лишь бы убить время. Мы

пришли довольно поздно ко мне и я оставил Олю ночевать у себя.

Оставшись с ней наедине, совсем близко, я увидел, что она была готова на все...

Было ясно: жертва лежала у ног победителя, полагаясь на милость последнего...

Только последний негодяй мог поступить иначе, как поступил я, оставив незапятнанной нашу идеально-чистую любовь!..

Можете смеяться, ненасытные циники, над моей сентиментальностью!.. Ваше право.. Я знаю, в законах нравственности есть свои темные стороны, их трудно порой угадать, они зависят от многого...

Может быть, вполне созревшая Оля в 21 год, желая отдаться любимому человеку, и не подумала о своем падении так, как подумал о нем я; я думал не столько о падении, сколько о последствиях его... Я думал о чести девушки... Пускай я оскорбил своим поступком девушку, но зато совесть моя чиста!..

Весь следующий день я провел вместе с Олей, показывая ей самые сокровенные места в городе.

За день мы исходили город вдоль и поперек.

Вечером смотрели «Фауста». Из театра я проводил Олю домой, к В. К., Предстояло тра

гическое последнее «прости и до свидания», — расставание на вечность, навсегда... Кровь стыла в жилах.

Не встретив взаимности на свои любовные порывы, вконец истерзанная, злая, Оля рыдая пала мне на грудь. Сквозь нервные вздрагивания прорывались слова отчаяния:

— Милый, зачем так жестоко?.. Зачем? Ведь, я погибну одна... Только первая любовь приносит счастье... а что же мне осталось теперь?..

— Прости дорогая, прости, я не виноват, — успокаивал я плачущую девушку. — Ты видишь, я мучаюсь всеми муками ада, но что я могу сделать, когда оно мертво! Вот оно, на, вырви его; вырви, брось собакам...

Мы простояли до рассвета молча, стыня, как каленое железо, брошенное кузнецом на землю...

Расставаясь, я тихо взял ее руку и осторожно, как бриллиант, положил в нее лучшую свою фотографию, а потом на ципочках, крадучись, стал медленно удаляться, как из детской комнаты, чтобы не разбудить спящего младенца. На повороте я оглянулся; она все также понуро стояла на прежнем месте, плачущими глазами глядя мне в след...

Бедная, бедная Оля!..

Мюнхен.

18.9.47 г.

КУРСОВОЕ ЛЕЧЕНИЕ

Были ли вы когда нибудь в Эссентуках?

Нет.

Жаль!..

Чудный курорт!..

Тихий, тихий, как вода в пруде. Трудовая жизнь, например, протекает больше ночью, когда курортники спят... Не то что ломовик, грохает по мостовой, а легкачи и те околицу знают. Словом, тишина удивительная. Здоровому человеку претит такая тишина. Меланхолию наводит. А больному, напротив, — одно удовольствие.

А парк какой прекрасный!..

Тридцать пять десятин!

Слышали что-нибудь подобное?

То-то!

Будете, загляните. Там назадах мужичек в сермяжке с кувшином в руке. Предание говорит, что это беглый екатериненский крестьянин, сбежавший от помещика на Кавказ. Местность дикая была в то время: горы, лес...

Скитаясь, питался бедняк дикими ягодами и падалью... Время шло. Наел себе беглец язву желудка. И без того мрачная скитальческая жизнь еще больше помрачнела. В пору было броситься с кручи. И вот как-то раз, больной, мучимый жаждой, еле держась на ногах добрался до источника, которых тут было бесчисленное число и напился воды. Чувствует легче боль... Спустя некоторое время еще напился... Еще легче... С неделю он так попил и как рукой сняло... Окрылился мужичек здоровьем, и страх куда девался за свою провинность — пошел в какой-то ближайший город и доложил начальству о своем открытии.

Проверили — вода целебная. С того и пошло....

Курортом стало место.

А теперь:

ежечасно курортные поезда разливают море — мотыльков: шляп, беретов, панам, козынок, головок, ножек, накатывая на дебаркаберы и перрон силуэты созданий прекрасного пола, овеванных «ландышами», «шипрами», «крымскими розами», «букетами моей бабушки» и еще чем-то...

Едут, едут... Тысячи, тысячи... Одни вылечить язвочку и прибавить в весе, а другие,

наоборот, в Цандеровском Институте отрегулировать «социалистическое накопление»..

А над этим морем чайками вьются белые фуражки курортных агентов...

Ищут поживы... Так и шмыгают своими лисьими мордами, на лету обнюхивая жертву, хватают ее из толпы и тащат в курбюро, а тут мелким бисером рассыпаются в любезностях (если жертва податлива). или, напротив, если не податлива, щелкают по волчьим зубам, стараясь как можно быстрее отделаться...

— Путевка?! Санаторий имени Семашко... В парке, товарищ, не заблудитесь, — сухо абонирует агент клиента. — «Тоже мне лезет, крокодил, — ворчит он про себя, провожая недовольным взглядом уходящего курортника. — Пользы, как с козла молока!.. Ломаного гроша не даст, а ты ему прислуживай... Знаем мы этих мазуриков, лутевочников, на все готовенькое приезжают...»

Укоризненно закончил агент, принимая бумагу из рук следующего больного.

— Курсовочка!.. «Метрополь» избрали... Прекрасная идея. Сразу видно благородный человек. Обедайте в «Эльбрусе». Тут сразу как пойдете от Пятачка в город, направо в подвале будет... Дивные обеды. Антик-марэ!

А шашлычки какие! Вы, извиняюсь, какой больше любите, по кавказски или по карски? Берите по карски, с лучком, с лимончиком... Объедение! Пальчики оближете. Да если прибавить к этому, сами понимаете, бутылочку кахетинского или токайского — упоение... Bravo! Bravo! — кричал агент. — Русская душа... Моего вкуса, товарищ. Я тоже того мнения, что вино дамский напиток. По крайней мере нашинскую выпьешь как-то уютней чувствуешь себя...

А музыка, музыка! Баянчик! Турецкий марш из Кармен, — не нужно симфонии... В опитовскую голубятню не ходите — паршиво кормят. Между нами говоря, народец нечистоплотный собрался, тащат продукты, а гостей кормят чем попало... С деньгами будьте аккуратней, не швыряйтесь... У нас тут случай недавно был. Приехал один, товарищ служащий кооператива, кажется... Курсовка, все честь с честью... Язвочка... Симпатия такой!.. Засядет было с вечера в ресторане и до поздней ночи, а иногда и до утра просидит... Выпить не дурак был... Нашего брата завидит, тоже зовет: «Пей, — говорит, — все равно жизнь пропащая». Равно отец родной... А потом сразу исчез, словно в воду канул... Прибрали... Двадцать тысяч накостылял... Покор-

нейше благодарю, помогли бедному человеку... Ну, так вам, товарищ, прямо, тут всего двести-триста метров, а то меня вот гражданочка ожидает... Не забудьте. «Эльбрус»!

— Женщинам в моей убогой душе отведено особое место. Здесь уже я не служу, а только прислуживаю. Ага, курсовочка говорите. Прекрасно. Квартирку, значит!? Вам как: пансиончик или там приваточку поудобней? Ага! Из Киева!! Так, так... Город шумненький... Очереди бесконечные хоть кого в могилу свалят... Врач, говорите, так, так... Приваточку значит, так чтобы молочко, маслице или курочку... Понимаю, понимаю, в больших городах если и бывает что так в обрез, а то все больше фальшь... Эти мошенники-колбасники додумались конскую колбасу продавать за свинную. Такого туману другой шельмец подпустит, что ты слушаешь да только слюнку глотаешь, родословную свиньи приплетет для большей убедительности и умаслит так тебя, что ты и видишь, что фальшь, а покупаешь... Хе-хе, сами жили в столице... Я, знаете, нетеперешний. В Питере жил когда-то. Время другое было, а тоже скажу вам было много хорошего, а была и фальшь... А ваших много у нас отдыхает... Так я вам приваточку. Полковница -- меня знакомая. Му-

жа убили под Эрзерумом в шестнадцатом году. Милая особа. Чистота идеальная. Чемоданчик? Чемоданчик мы поднесем, зачем же носильщику лишние денежки выбрасывать...

— Марья Ивановна, вам постояльца... Киевляночка, — завидя на пороге крыльца полковницу, кричал агент. — Что? Гениколог? Нет! Зубной. Стоматолог. Чистый ангел... Благодарить будете. Сами знаете кого зря не приведу. Надейтесь на меня как на каменную гору, титулярный советник не подведет, — пожимая пухлую руку полковницы почти шопотом кончил агент. — Прибавте, гражданочка, пятерочку за чемоданчик... Сами видите должность не директорская, а жизнь на курорте, не дешевая. Благодарю покорно.

— Заходите Аполлон Семенович как-нибудь вечером, я новость вам расскажу, — бросила хозяйка в догонку агенту.

— Непременно, — выкатываясь со двора, выпалил, не оборачиваясь Аполлон Семенович, прижимая в кармане свежий заработок.

Марья Ивановна поместила киевлянку в бывшем рабочем кабинете мужа. С тех пор как не стало полковника, овдовевшая хозяйка превратила его в будуар для приезжающих курсисток. Живущая исключительно

рентой, не имея другого источника, она приложила максимум внимания создавая такой уют, который бы безусловно привлекал курортников. Рабочая мебель, поэтому, удалена полностью из кабинета. Из прежней обстановки остался только персидский ковер спускающийся от потолка и застилающий весь пол кабинета. Не будучи в состоянии дать что-нибудь особенное, устроительница уюта поставила английскую кровать с никелированными спинками и пружинным матрасом, софу, туалетный столик с трельяжем, несколько венских стульев. По углам красовались цветы в кадках. Большое окно выходящее в сад завешано кремовыми занавесями. По мнению затейницы кремовый цвет не утомляет зрение и поэтому она избрала его. Короче говоря, обстановка самая обыкновенная. Никакой модернизации введено не было, за исключением репродуктора, который, кстати сказать своим шумом только мешал иногда отдыхать. И, все таки, несмотря на такую прозаичность комнатка казалась уютной и курсистке понравилась. Она в душе благодарила агента за услугу. Справившись об условиях, киевлянка бросилась устраивать свои процедурные дела, попросив хозяйку найти ей молочницу. Просьба курсистки не составляла труда

для пансионатки, так как у нее постоянной за-
носчицей молока была соседка, казачка Па-
ша.

— Ха, ха, ха... ха, ха, — разразилась сме-
хом Паша вернувшись от новой заборщицы
молока.

Муж в недоумении смотрел на нее.

— Ха, ха, ха, — продолжала дородная ка-
зачка.

— Ты что — рехнулась? — строго спросил
смуглолицый казак, которому надоел беспри-
чинный смех жены. — Смешно дураку, что
уши на боку!...

— Ты знаешь Гриша, — переводя дыхание,
перешла от смеха к разговору казачка, — ки-
евлянка просила меня найти ей мужчину, а
то ей «скучно» Пообещала хорошо запла-
тить. Пойди, Марья Ивановна говорит, что
видела у нея много денег, может заработаешь
на костюм, ха, ха, ха, — притворным смехом
кончила молочница.

Гриша не выносивший женского легкомыс-
лия, сперва сердито топорщил торчащие к
верху как колючки у ежа черные усы, потом
не выдержал сам рассмеялся.

— А сердиться не будешь? — выкатывая
горящие углями глаза из под нависших бро-

вей спросил он в упор жену.

— Нет! — отрезала та.

— Ладно! Пойду посмотрю, что за птичка... Только смотри, что бы не сердилась...

— Пхи... Невидадь какая... Херувимчик какой... будто никогда не ходил к другим, — самоуверенно кончила Паша с присущим ей цинизмом.

Гриша обошел молчанием такое далеко нелестное замечание по его адресу.

Вечером Гриша пошел «посмотреть» киевлянку...

— Роскошная цыпочка, — нескрывая самодовольства говорил разведчик вернувшись домой. — Эфир... Пижамка, бюстик... Огонь баба...

Через два дня Гришу снова «потянуло» к курсистке. На этот раз он вернулся значительно позже. Придя домой молча разделся и лег в постель. Самолюбивая жена, которую начал трогать, бес ревности тоже молчала. С этого дня Гриша зачастил к курсистке каждый вечер, возвращаясь все позже и позже. Один раз бравый казак нарядился в костюм, ушел с вечера и не вернулся до утра.

Паша, которая первое время смотрела равнодушно или покрайней мере делала вид та-

кой на похождения мужа, виновницей которых была сама — в нехорошем предчувствии проплакала всю ночь не сомкнув глаз. Утром чуть свет она бросилась искать мужа. Первым местом куда зашла Паша, был дом полковницы. Марьи Ивановны не было в доме киевлянки тоже. Обойдя весь город, всех знакомых и близких и не найдя мужа, она на обратном пути снова заворнула к Марье Ивановне.

— Разве он не дома? — удивилась полковница, зная о визитах Гриши. — Хм... странно... так так. Теперь я догадываюсь. Они тут все время при отъезде о чем то шептались. Она уехала вчера вечером домой не дожив неделю, за которую заплатила. Гриша поехал провожать ее на вокзал. Уезжая она просила благодарить тебя за молоко, которым она осталась очень довольна.

— Ах она змея подколотная. Украла мужа, да еще издеваться вздумала. — Благодарить за молоко. — Чувство горькой обиды сдавило грудь Паши и она в бессилии опустилась на стул истерично рыдая.

24.11.46 г.

Мюнхен.

НИНА

Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро.

Л. Толстой.

Ослепительной красоте Нины, могла бы позавидовать столь известная всем восточная красавица, грузинская царица Тамара, сказочный Замок которой и поныне гнездится в Дарьяльском ущелье.

Еще ни одному романисту не удалось схватить тончайшие черты женской красоты какими обладала Нина.

Церетели*) падала ниц перед дивным станом красавицы, магнитические глаза которой сражали наповал непокорные мужские сердца. Родись Нина в начале прошлого столетия быть ей пленницей гарема. Не одна родовитая голова почил бы на смертном одре, сраженная на дуэли.

*) Церетели Тамара — исключительной красоты оперная артистка бывшего Мариинского театра.

Теперь охладели к женской красоте. Даже больше того — огрубели. Эмансипация при- низила ее значение. Хрупкий предмет любви и неги, встречавшийся до сих пор только на балах, посадили на трактор, опустили в шах- ту... На женщину стали смотреть, как на работницу, а не как на идеал красоты. Поя- вились героини, звезды всевозможные, но не красавицы... Но несмотря на это, Нина, не- сомненно, оставалась красавицей. Никакие социальные, политические и экономические изменения в государстве и обществен- ной жизни не могли поколебать ее красоты. Каждый, кому хоть мельком довелось взгля- нуть на это изваяние античной культуры, в восторге щелкал языком и делал при этом умиленное лицо.

Жила Нина со мной в одном доме. Я на- верху, а она внизу. Серенький домик наш, каких можно видеть тысячи по окраинах провинциальных захолустных городишек при лепился к горе, подобно молотку поставлен- ному толстым концом вверх.

Когда, откуда и как прибыла Нина в этот дом, как я не старался узнать — осталось тайной и по сей день. Городская жизнь так удивительно устроена, что легче можно уз- нать, что делать сегодня президент США, ми-

нистр иностранных дел Англии, об успехе или неуспехе революции в Китае, о забастовках во Франции, но кто живет через стенку, в соседней комнате, — можете прожить подряд несколько лет и не узнать.

Еще большей тайной было то где и кем Нина работала или служила? Пела ли она в опере, танцевала ли в балете «Красный мак», служила ли в гастрономическом магазине продавщицей или убирала в бюро, — никто этого тоже не мог знать.

Хотя жили мы с Ниной в одном доме, первая встреча и знакомство произошло совершенно случайно на улице. Я шел из дому, кажется, на службу, а Нина возвращалась откуда-то домой.

— Нина, — сказала она первая, слегка обнажив белый мрамор зубов, подавая мне руку.

Я не трус от природы, но тут, признаюсь, оробел от такого близкого соприкосновения с красавицей. Расслабление воли получилось. В растерянности я хотел поцеловать пальцы ее руки, но Нина, заметив мое волнение, слегка рассмеявшись, кивком головы остановила меня.

— Не делайте глупостей, — повелительно сказала она. — Это отжито!

Как гимназисту, срезанному на экзамене, мне сделалось неприятно от такого замечания и я начал торопиться, делая вид, что очень дорожу временем. Желая продлить знакомство я пригласил Нину к себе вечером на чай. На этом и оборвалась первая встреча.

День прошел как в угаре... Я сгорал от нетерпения в ожидании предстоящей встречи. Против обыкновения с сотрудниками я был любезен, много говорил, смеялся. Более чуткие из них начали даже спрашивать не случилось ли чего в моей холостяцкой жизни, но я скрыл от них, говоря, что нет!

Придя со службы домой, в ожидании гости я занялся сервировкой стола. Двумястами дешевой чайной колбасы я вылепил две тарелки, как птица пухом гнездо перед насестом. Не было хлеба, пришлось резать тонкими ломтями единственные три венские булки, получился ворох хлеба на тарелке. Скучную пищу украсила бутылка портвейна.

Нина не заставила себя ждать. Сияя улыбкой она явилась вечерней звездой в назначенный час, подобающе разодетая. При виде ее я снова потерял волю к самобладанию. Мною овладело смущение, характерное в таких случаях. Во все время ужина я не на-

шелся сказать что либо соответствующее молодому человеку. Я приглашал кушать и пить и на этом кончалось мое красноречие. Даже вино почему то слабо действовало на мою риторику.

В конце ужина, хозяйка по моей просьбе подала чай с багдадскими пряниками. Это несколько заняло гостью, заполнив тягостные минуты молчания. Но после чая снова воцарилось неловкое молчание.

— Вы играете на чемнибудь? — вдруг нарушила мертвую тишину Нина.

— Что вы имеете в виду? — ответил я вопросом.

— Ну, на инструменте какомнибудь?

— Когда то играл на гитаре, в студенческие годы, пять лет тому назад — ответил я робко, сознавая свою слабость в области музыки.

— Не хотите ли сыграть, у меня есть гитара? — как то особенно блеснув глазами, предложила Нина.

— С удовольствием, — согласился я, польщенный ее взглядом, в каком то не ясном предчувствии.

— Что бы дать покой старикам, думаю удобнее пройти ко мне, — продолжала Нина.

Мне не оставалось ничего другого делать как только принять вызов гостя.

С приподнятым настроением, в одиннадцатом часу ночи мы спустились во двор, а оттуда прошли в комнату Нины.

— Если вы и играете так же как ведете себя мямлей, я покажу вам порог моей комнаты, — заискивающе сказала Нина, подавая гитару и усаживая рядом с собой на кровати.

Я начал строить. От непривычки долго не мог подобрать соответствующие аккорды, но потом мало, по-малу освоил инструмент сыграл незначительную вещицу «Плачь деревни».

Когда я кончил, Нина тронутая музыкой, шалея, в восторге схватила меня обеими руками за голову и привлекла к своим пышным губам.

— Теперь я вижу, что казаки не только храбрые рыцари, но и романтики способные растрогать женское сердце! — одобряя игру сказала Нина, наваливаясь слегка грудью на меня.

От лестной оценки и поцелуя у меня вскружилась голова. Я снова сыграл что то, но в более патетическом духе. Последовало тоже вознаграждение. Прислонясь сзади

Нина обвила рукой мою шею положив голову мне на плечо она слушала, а я играл дальше...

Тут уже пошло без слов...

То музыка и поцелуи, то наоборот, поцелуи и музыка...

А потом покрылось все мраком ночи...

.....

.....

Утром следующего дня в уныло-апатичном настроении как бывает в сырую дождливую погоду или после невкусного обеда, с невыразимой тоской на сердце покидал я конуру Нины, теряя интерес к идеалу женской красоты...

После этой встречи я даже не посмотрел в ту сторону где шла Нина.

Я так горько разочаровался, так разочаровался, что еще и теперь не могу утешиться и понять, что же в конце, концов ценней: красота или нравственность?!...

Мюнхен 18.7.47 г.

ПОТОМОК СОЛОМОНА

К моему хозяину, георгиевскому кавалеру, ветерану двух войн: русско-японской и первой мировой, приехал провести трудовой отпуск сапожник с женой из Ростова. Коренастый еврей на пятом десятке. Библейская личность. Русая борода венком обвилась на круглом смугловатом лице

Жена под рост ему — рафинадная дамочка.

Скромная пара, совсем не похожая на своих соплеменников. Он в плотной брезентовой белой куртке, а она в темносинем шерстяном платье. Прошлое лето они тоже месяц провели здесь, понравилось, так они и этим летом навестили.

Привез он с собой того-сего: мешок реставрированной обуви. Знал старик слабое место села, решил малость продуктишек выменять.

Приятное с полезным, значит. Молодые по дорогим курортам разъезжают, а старик в

станицу приехал. На вольный воздух, так сказать. В городе духота невероятная, а здесь природа, солнце, воздух.

Кубанское лето золотое! Богатый край!

... Приволье!..

... Изобилие всего! Фрукты, овощи, мед, сало, рыба всевозможная... Сплошное удовольствие...

Недаром считалась до недавнего Кубань житницей России.

Днем, когда несносное южное солнце обжигает лица колхозников в степи — сиди в тени, а спадет жара к вечеру — можно прогулочку проделать. Так наши дачники и делали. Целыми днями сидели за столом под яблоней перед домом, смакуя всевозможные варенья. а вечером совершали моцион.

Жалуясь на городскую дороговизну, по утрам сапожник ходил на базар и делал «обман» товара. Так что к концу отпуска у него набралось пуда два с половиной всякой всячины. Было тут и сало и картофель и горох, и фасоль и еще десятки всяких продуктов, так что всего не перечтешь, — целый ворох. Оставалось всю эту снедь перевезти домой, в

город. Тут-то и получилась закавыка. Дело как будто бы простое, да время не то, — военные законы больно строги. С собой вести нельзя, — опасно, отберут, а по почте восемь килограмм на душу.

Забегал старик. Сложная проблемка. Хотелось и рыбку съесть и в прорубь не сесть. В пору было распродать все, но старик не растерялся. Он молча приносил откуда-то фанерные ящики стандартного размера, а жена в это время шила бесчисленное число разных размеров торбочки.

— Слушайте, сосед, я хочу вас попросить, — обратился он ко мне как-то, держа в руке клочек бумаги, на котором танцевали каракули, подобно египетским иероглифам, — напишите, пожалуйста, мне адреса на посылках. У вас, я знаю, красивый почерк, — лъстя закончил дачник.

О моем почерке это он для красного словца добавил, чтобы я чего доброго не отказался.

Я охотно выполнил просьбу почти безграмотного сапожника.

Когда работа была окончена, я в недоумении спросил:

— Скажите дружище, кто же будет собирать эту снедь по всему городу? Четыре адреса!

— Хе хе хе хе, — лукаво захихикал сапожник. — Так это же все в одном доме будет, — нисколько не смущаясь, ответил он.

— Что вы говорите? Как же это так? Еще больше удивился я.

— Очень просто. В другой стране, скажем в Германии, может быть, этого и нельзя сделать; я не знаю, какие там порядки. Я слышал, будто бы там каждому дому дается один номер, где бы он не стоял. А у нас сами знаете как... Дом, в котором я живу, стоит на углу. Выходит он на две улицы, значит, ну и, конечно, само собой разумеется два номера имеет. Обе эти улицы когда-то носили одни названия, а теперь имеют другие... До сих пор, мой товарищ детства Шмулек, пишет мне из Гомеля на старый адрес, как я не старался отучить безмозглого идиота, и я аккуратно получаю письма. Как видите, старые адреса почта хранит для отсталых адресатов, как мой друг Шмулек... В этом же доме живет мой зять с дочерью...

— Ну так что? — вмешался я. — При чем тут зять?

— А притом. Две посылки по старому адресу на меня с женой, а две по новому на зятя с дочерью. Ха,ха! Хорош бы я был потомок Соломона, если бы не разрешил этот детский ребус! — радостно воскликнул сапожник, ударяя себя по лбу и подпрыгнул на одной ноге.

— Ну и ну! Поистине соломоновская мудрость, — заметил я.

— Ха ха ха ха, — разразился сапожник гоммерическим смехом и похлопал меня по плечу.

Мюнхен.

25.12.46 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

	стр.
Приятель	3
Остывшая любовь	26
Курсовое лечение	40
Нина	50
Потомок Соломона	57

Authorized by EUCOM HQ, Civil Affairs Division

ИЗ-ВО «НОВОСТИ»